

A romantic couple is shown in a close embrace on a rainy city street at night. The man, wearing a dark police uniform with a Russian coat of arms patch and a watch, is kissing the woman's forehead. The woman, with long wavy hair, is wearing a light-colored off-the-shoulder top. In the background, blurred city lights and police cars with flashing lights are visible on the wet pavement.

За гранью УСТАВА

ЛЮБОВЬ, КОТОРОЙ НЕ ДОЛЖНО
БЫЛО БЫТЬ. ЧУВСТВА, КОТОРЫЕ
МОГУТ СТОИТЬ КАРЬЕРЫ И ЖИЗНИ.

Карелия

За гранью устава

«Автор»

2026

Карелия

За гранью устава / Карелия — «Автор», 2026

Она — лейтенант полиции, лучший выпускник академии. Он — майор, начальник отдела, легенда московского сыска. Они не должны быть вместе. Это против правил. Против устава. Против всего, во что они верят. Но одна операция меняет всё. Смертельная опасность сближает их. Один поцелуй — и они переступают черту. Теперь они — любовники, скрывающие свой роман от коллег. А когда прошлое Оли возвращается в лице опасного преступника, Максим готов нарушить все правила, чтобы защитить её. Они рискуют карьерой, жизнью и репутацией. Но когда пули летят, а сердце бьётся в унисон — становится ясно: эта любовь стоит любой цены.

© Карелия, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Первый день в отделе	5
Глава 2. Майор Орлов-ледяная стена	11
Глава 3. Первое дело	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Карелия

За гранью устава

Глава 1. Первый день в отделе

Будильник зазвонил в 5:45. Ольга Кузнецова открыла глаза за секунду до трели — армейская привычка, ввевшаяся в подкорку за пять лет учебы в Академии МВД. Она лежала в своей крошечной квартире на окраине Москвы, в студии площадью двадцать четыре квадратных метра, которую снимала за половину лейтенантской зарплаты, и смотрела в потолок. На потолке была трещина — тонкая, извилистая, похожая на карту несуществующей реки.

Сегодня всё изменится.

Она встала, босиком прошла на кухню, включила чайник. На холодильнике висела фотография: она, совсем еще девчонка, в курсантской форме, с красным дипломом в руках. Папа, майор запаса, гордо обнимает дочь за плечи. Мама украдкой вытирает слезы.

«Ты будешь лучшей, дочка, — сказал тогда отец. — Только помни: в нашей системе женщине нужно быть на голову выше мужчин. Не наравне — выше. Иначе сожрут».

Оля помнила.

Она выпила кофе, сделала легкую разминку, сорок отжиманий, растяжка. Затем встала перед зеркалом и критически осмотрела себя. Рост сто семьдесят два сантиметра. Спортивная фигура — широкие плечи пловчихи, узкие бедра, сильные ноги. Лицо — слишком миловидное для оперативника, как говорил ее инструктор по рукопашному бою. Большие серые глаза, упрямый подбородок, русые волосы, которые она сейчас собрала в строгий пучок.

Форма сидела идеально. Она проверила каждую пуговицу, каждую складку. Лейтенантские погоны — новенькие, еще пахнущие фабричной пропиткой. Сегодня она впервые наденет их не на парад, а на настоящую службу.

Отдел по борьбе с организованной преступностью.

Не какой-нибудь участок с бытовухой и пьяными драками. Не патрульно-постовая служба, куда обычно сплавляют девчонок-выпускниц. Элитное подразделение. Лучшие умы, самые опасные дела, настоящая война с мафией.

Она добилась этого сама — кровью, потом и бессонными ночами над учебниками.

— Отдел ОБОП, Юго-Западный округ, — прошептала она своему отражению. — Лейтенант Кузнецова прибыла для прохождения службы.

Отражение смотрело на нее с решимостью и легкой, тщательно скрываемой дрожью в уголках губ.

Здание Управления внутренних дел по Юго-Западному округу Москвы было построено в конце семидесятых и с тех пор, казалось, ни разу не видело капитального ремонта. Серые бетонные стены, длинные коридоры с лампами дневного света, которые противно жужжали и моргали через одну. Запах — неизменный коктейль из хлорки, дешевого табака и казенной мебели.

Оля прошла через КПП, предъявила удостоверение. Сержант на входе, пожилой мужчина с уставшим лицом, долго изучал ее документы, потом перевел взгляд на нее саму.

— Кузнецова... Ольга Сергеевна... — он хмыкнул. — К Орлову, значит?

— Так точно. В отдел по борьбе с оргпреступностью.

— Ну-ну, — сержант вернул удостоверение с каким-то странным, почти сочувственным выражением лица. — Удачи, лейтенант. Она тебе понадобится.

Оля нахмурилась, но ничего не сказала. Поднялась на четвертый этаж — лифт не работал, как и всегда, судя по пыли на дверях. Коридор четвертого этажа отличался от остальных:

меньше грязи, на стенах — стенды с оперативной информацией, графики раскрываемости, портреты особо отличившихся сотрудников.

Она нашла нужную дверь. Табличка: «Отдел по борьбе с организованной преступностью. Начальник отдела — майор полиции Орлов М.А.»

Сердце забилось чаще. Она поправила китель, провела ладонью по волосам, проверяя, не выбилась ли прядь из пучка, и толкнула дверь.

Отдел встретил ее шумом. В большом помещении стояло штук восемь столов, заваленных бумагами. У окна кто-то громко спорил по телефону. В углу двое оперативников склонились над картой города, что-то помечая красным маркером. Пахло кофе, потом и металлом.

— О, свежее мясо прибыло!

Голос раздался откуда-то слева. Оля повернулась и увидела молодого мужчину лет двадцати восьми — тридцати. Он сидел на стуле, закинув ноги на стол, и с наслаждением потягивал кофе из огромной кружки с надписью «Лучшему оперу». Русые волосы взлохмачены, капитанские погоны сидят на плечах немного криво, словно он их прицепил впопыхах. Глаза — карие, смешливые, но цепкие, какие бывают только у людей, привыкших замечать детали.

— Лейтенант Кузнецова, — представилась Оля, стараясь говорить четко, по-уставному. — Прибыла для прохождения службы. Направлена в распоряжение майора Орлова.

— Ага, — капитан шумно отхлебнул кофе. — А я думал, курьер с пищей. У нас тут заказы иногда путают. Соколов Алексей. Можно просто Леха. Или «эй, ты, принеси папку». Майор у нас любит, когда ему папки носят. Особенно толстые.

Оля не успела ответить. Из-за перегородки, разделявшей общий зал на две части, вышел мужчина. И всё вокруг словно замерло.

Он был высок — метр восемьдесят пять, не меньше. Широкие плечи, обтянутые форменной рубашкой с майорскими звездами, мощная шея, тяжелая челюсть, словно высеченная из гранита. Темные волосы коротко подстрижены, виски чуть тронуты сединой — хотя ему явно не было и тридцати пяти. Густые брови, резкие скулы и глаза... Глаза были серые, как февральское небо над Москвой, и такие же холодные. Он скользнул по ней взглядом — быстрым, оценивающим, совершенно равнодушным — и перевел взгляд на Соколова.

— Соколов. Почему отчет по делу Грачева до сих пор не у меня?

Голос у него был низкий, с хрипотцой, как будто он много курил или недосыпал. Или и то, и другое.

— Так я же его вчера положил, Максим Андреич, — Соколов мгновенно убрал ноги со стола и принял более-менее приличный вид.

— Ты положил черновик без подписей свидетелей. Переделать.

— Есть...

— И еще, — Орлов наконец снова повернулся к Оле, — кто это?

— Лейтенант Кузнецова, — она шагнула вперед и отдала честь. — Прибыла для прохождения службы в вашем отделе. Направление из Главка.

Орлов посмотрел на нее. Не так, как смотрел Соколов — с любопытством и долей мужского интереса. Нет, он смотрел как на вещь. На предмет обстановки. На еще одну проблему, которую ему подкинуло начальство.

— Кузнецова, — повторил он, словно пробуя фамилию на вкус. — Академия МВД, красный диплом, специализация «оперативно-розыскная деятельность». Стрельба — отлично, рукопашный бой — отлично, психологическая устойчивость — отлично. Я читал ваше личное дело, лейтенант. Вопрос один: зачем вас направили ко мне?

— Не могу знать, товарищ майор. Приказ есть приказ.

— Приказ... — он хмыкнул. — Ладно. Проходите в кабинет.

Кабинет Орлова был под стать хозяину — аскетичный, холодный, функциональный. Никаких личных фотографий. Никаких сувениров или грамот на стенах. Только сейф в углу,

металлический шкаф с папками, рабочий стол с компьютером и два стула — один для хозяина, другой для посетителей. На столе — идеальный порядок, если не считать одной фотографии в рамке, повернутой стеклом вниз.

Орлов сел за стол, жестом указал ей на стул напротив. Оля села, стараясь держать спину прямо.

— Значит так, Кузнецова, — начал он, открывая ее личное дело (которое, видимо, уже изучил вдоль и поперек). — Я не знаю, кто вас сюда направил и зачем. Мне не нужны стажеры. Мне не нужны выпускники, пусть даже и с красным дипломом. Мне нужны опытные опера, которые нюхали порох и видели смерть не по телевизору.

Оля молчала, хотя внутри всё кипело. Она знала, что так будет. Знала, что придется доказывать.

— Теорию вы знаете блестяще, — продолжал Орлов, перелистывая страницы. — Физическая подготовка на высоте. Даже психолог в Академии написал — цитирую — «обладает исключительной стрессоустойчивостью». Но здесь, — он закрыл папку и пододвинул ее обратно к Оле, — это не имеет значения.

— А что имеет? — не выдержала она.

— Чутье. Умение подчиняться приказам, даже если они кажутся вам идиотскими. И отсутствие эмоций.

— Я не эмоциональна.

— Вы — женщина, — отрезал он так, будто это был диагноз. — Вы будете реагировать на трупы, на кровь, на жестокость не так, как мужчины. Это физиология, лейтенант. Вас будет тошнить на месте преступления. Вы будете плакать после тяжелых допросов. И однажды вы дрогнете — и подставите не только себя, но и моих людей.

Оля почувствовала, как к щекам приливает жар. Она ожидала предвзятости, но не такого откровенного, грубого сексизма.

— Товарищ майор, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — разрешите говорить откровенно?

— Говорите.

— Я прошла курс молодого бойца наравне с мужчинами. Я спарринговалась с парнями, которые были вдвое тяжелее меня, и побеждала. Я присутствовала на вскрытиях в морге в рамках учебной практики — и меня не тошнило. Мои эмоции — мое личное дело, и они не мешают мне выполнять работу. А насчет того, что я женщина, — она позволила себе легкую, почти незаметную улыбку, — мое лицо не является предметом служебного разбирательства.

В кабинете повисла тишина. Орлов смотрел на нее — и впервые за весь разговор в его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес. Или на раздражение пополам с уважением. Трудно было понять.

— Дерзкая, — констатировал он. — Что ж, посмотрим, насколько ваша дерзость соответствует вашим способностям. Соколов!

Дверь приоткрылась, явив голову капитана.

— Введи лейтенанта в курс дела по операции «Трафик». Пусть разбирает сводки за последний месяц. И найди ей стол. Где-нибудь... подальше.

— Есть, командир, — Соколов ухмыльнулся и сделал приглашающий жест. — Прошу за мной, лейтенант.

Оля встала, четко, по-уставному кивнула Орлову и направилась к двери. Уже у самого порога ее догнал его голос:

— Кузнецова.

Она обернулась.

— Кофе мне черный, без сахара. И покрепче. Это тоже входит в ваши обязанности. Надеюсь, вы умеете варить кофе?

— Так точно, товарищ майор. Умею.

— Посмотрим.

Дверь закрылась. Оля выдохнула. Соколов, стоявший рядом, сочувственно покачал головой.

— Ну как? Живая?

— По-моему, он меня ненавидит, — пробормотала она.

— Не парься. Он всех ненавидит. Это его способ заботы. Пойдем, покажу, где у нас тут всё.

Соколов оказался на удивление приятным человеком. За следующие полчаса он провел Олю по всем помещениям отдела, попутно рассказывая о коллегах с той особой, слегка циничной интонацией, которая свойственна людям, слишком долго проработавшим в органах.

— Вон там сидит Иваныч, — он указал на пожилого майора, который сосредоточенно печатал что-то на компьютере одним пальцем. — Майор Громов. Легенда отдела. Скоро на пенсию, но держится. Спец по баллистике, может по пуле определить не только марку оружия, но и настроение стрелявшего.

— А это кто? — Оля кивнула на молодого парня спортивного телосложения, который разговаривал по телефону в углу.

— Старший лейтенант Иван Котов. Иван — наш «медвежатник». Спец по вскрытию сейфов, замков и прочего. В прошлом — чемпион Москвы по боксу в среднем весе. Хороший парень, только немного... ну, как бы сказать... простоват.

— В смысле?

— В смысле, если ты ему скажешь, что Земля плоская, он подумает и спросит: «А с какой стороны край?» Но в драке ему нет равных.

Они подошли к пустому столу в дальнем углу общего зала. Стол был завален какими-то старыми папками, на стуле лежал сломанный вентилятор.

— Вот твоё рабочее место, — объявил Соколов. — Извини за бардак, предыдущий хозяин... ну, скажем так, уволился. Быстро уволился. Даже вещи не забрал.

— А что с ним случилось?

Соколов помрачнел.

— Капитан Резников. Хороший был опер. Въедливый, дотошный. Полгода назад ввели его под прикрытием в одну банду. Всё шло нормально, но кто-то сдал. Его нашли в лесу, в ста километрах от Москвы. Опустили только по зубам.

Оля похолодела. Соколов заметил её реакцию и невесело усмехнулся.

— Вот такая у нас работа, Кузнецова. Не «Петровка, 38» и не сериал про ментов. Здесь реально убивают. И если ты думаешь, что красный диплом тебя защитит, — он покачал головой, — не защитит. Только чутье. Только удача. И только люди, которые прикроют тебе спину.

— Я понимаю, — тихо сказала Оля.

— Понимаешь? — Соколов пристально посмотрел на неё. — Ну-ну. Ладно, давай разбирай завалы. А я пойду, пока мне Орлов второй выговор не влепил.

Он ушел, а Оля осталась одна. Села за стол, провела ладонью по пыльной столешнице. Предыдущий хозяин этого стола мертв. Убит. Ей стало не по себе, но она тут же одернула себя. Это работа. Это то, на что она подписывалась. И она справится.

Ближе к обеду Оля уже разобрала большую часть завалов на столе. Старые папки — в архив, сломанный вентилятор — в мусорку, канцелярские принадлежности — в ящики стола. Она как раз раскладывала скрепки по размеру (армейская привычка к порядку), когда над ухом раздался знакомый холодный голос:

— Кузнецова.

Она вскочила. Орлов стоял прямо за её спиной, держа в руках толстую папку.

— Кофе, — сказал он, — был отвратительным. В следующий раз — две ложки на чашку, не три. Сводки за последний месяц, — он бросил папку на ее стол, — разобрать по датам, выписать все пересечения по адресам, номерам машин и контактам. Срок — до конца дня.

— Есть, — ответила она, хотя до конца дня оставалось всего четыре часа, а папка была толщиной сантиметров пять.

Орлов развернулся и пошел к своему кабинету, но на полпути остановился.

— И еще, Кузнецова.

— Да, товарищ майор?

— Обед у нас с часу до двух. Но вы на обед сегодня не идете. Выполняйте задание.

Он скрылся за дверью кабинета. Оля перевела дух и открыла папку. Внутри были сотни сводок наружного наблюдения, протоколы допросов, расшифровки телефонных переговоров. Работа на несколько дней минимум.

Она вздохнула и принялась за дело.

В три часа дня к ней подошел Соколов и молча поставил на стол бумажный стаканчик с кофе.

— От меня, — сказал он. — Ты только Макс у не говори, что я тебя пожалел. А то он меня заставит сводки переписывать вручную. У него это любимое наказание.

— Спасибо, — улыбнулась Оля.

— Да ладно, — Соколов присел на край ее стола. — Слушай, а ты правда решила здесь работать? Ну, в смысле, в ОБОПе? Не в следствии, не в дознании?

— Правда.

— Почему? У тебя же диплом. Могла бы в теплый кабинет, бумажки переключивать, к пяти домой...

— Я не хочу бумажки переключивать, — Оля оторвалась от сводок и посмотрела ему прямо в глаза. — Я хочу ловить преступников. Настоящих преступников, а не карманников и бытовых дебоширов.

Соколов хмыкнул.

— Амбициозная. Как наш Макс десять лет назад.

— А каким он был? — спросила Оля, стараясь, чтобы голос звучал не слишком заинтересованно.

— Орлов-то? О, это история... — Соколов оглянулся на дверь начальственного кабинета и понизил голос. — Он же в Академии легендой был. Лучший выпускник своего года. Его сам генерал Красильников к себе в отдел звал. А он выбрал «убойку». И не прогадал — в первый же год раскрыл серию заказных убийств, которую до него три года не могли распутать.

— А потом?

— Потом... — Соколов помрачнел. — Потом была операция «Крот». Макс три года провёл под прикрытием в банде Грача. Это была самая жестокая ОПГ в Москве в те годы. Наркота, оружие, заказные убийства. Макс внедрился к ним, стал правой рукой Грача. Представляешь, каково это — три года притворяться бандитом? Три года жить с мыслью, что одно неверное слово — и тебе вырежут язык?

Оля слушала, затаив дыхание.

— А что случилось потом?

— Потом его раскрыли, — Соколов достал сигарету, покрутил в пальцах, но не закурил — в отделе было нельзя. — Нашелся кто-то, кто сдал его Грачу. Его и его напарника, Сашу Белова. Сашу убили. На глазах у Макса. Долго, жестоко... Не спрашивай, как, я не буду рассказывать. А Макс выжил чудом. Группа захвата подоспела в последний момент.

— Господи... — прошептала Оля.

— С тех пор он такой. Ледяной. Ни с кем не сближается. Говорит, что эмоции убивают. И знаешь, — Соколов слез со стола и направился к своему месту, — наверное, он прав. В нашей работе эмоции убивают. Особенно... особенно такие, которые мы не можем контролировать.

Он бросил на Олю странный, долгий взгляд, как будто хотел что-то сказать еще, но передумал.

Оля вернулась к сводкам, но мысли ее были далеко. Она думала о майоре Орлове. О человеке, который выжил в аду и вынес оттуда только одно правило: не чувствовать. И она подумала — с неожиданной, острой жалостью — каково это: жить, не позволяя себе чувствовать?

Оля закончила работу в восемь вечера. В отделе уже почти никого не было — только дежурный на входе и кто-то в кабинете Орлова (свет горел, но дверь была закрыта). Она собралась уходить, но тут дверь кабинета открылась.

— Кузнецова. Зайдите.

Она вошла. Орлов сидел за столом, перед ним была разложена какая-то схема. Вид у него был уставший, под глазами залегли тени, но держался он так же прямо, как и утром.

— Сводки готовы?

— Так точно, — она положила папку на стол. — Все пересечения выписаны в отдельный список. Я также составила диаграмму связей — с кем контактировали основные фигуранты за последний месяц. И нанесла адреса на карту.

Орлов открыл папку, пробежал глазами по ее работе. Оля стояла и ждала. Прошла минута. Две. Три.

— Неплохо, — сказал он наконец. — Для новичка.

«Неплохо» было явным преуменьшением. Оля знала, что сделала работу на отлично. Но спорить не стала.

— Завтра в семь ноль-ноль — оперативное совещание, — продолжал Орлов. — Явиться за пятнадцать минут. Опоздание — рапорт о неполном служебном соответствии. Вопросы?

— Так точно. Один вопрос.

— Слушаю.

— Почему вы не хотели брать меня в отдел?

Орлов поднял на нее глаза. В его взгляде читалась усталость.

— Потому что вы — идеалистка, Кузнецова. Вы верите в справедливость. Верите, что можно ловить плохих парней и защищать хороших. Что система работает. Что закон — это истина.

— А разве это не так?

— Нет, — отрезал он. — Система прогнила. Закон покупается и продается. А хорошие парни иногда оказываются хуже плохих. Вы это поймете — рано или поздно. И тогда у вас будет выбор: стать циником, как я, или сломаться. Я не хотел присутствовать при этом.

Оля молчала. Ей хотелось возразить, сказать, что он не прав, что она не сломается... но что-то в его усталых глазах остановило ее.

— Я не ломаюсь, товарищ майор, — сказала она наконец. — И циником не стану.

— Все так говорят поначалу, — он отвернулся к окну. — Свободны, лейтенант. До завтра.

Оля вышла из кабинета. В коридоре было пусто и тихо. Она спустилась по лестнице, вышла на улицу. Вечерний воздух пах бензином и приближающейся грозой. Где-то вдалеке гремел гром.

Первый день в отделе закончился. Она выжила. Но что-то подсказывало ей, что самое трудное только начинается.

Глава 2. Майор Орлов-ледяная стена

Первая неделя в отделе превратилась в бесконечную полосу препятствий. Препятствием номер один был майор Орлов.

Он вызывал ее в шесть утра — за час до начала рабочего дня. Заставлял переписывать отчеты по три раза, находя ошибки, которых не существовало. Отправлял в архив — душный, пыльный подвал, где годами не убирались — искать дела десятилетней давности. Критиковал всё: от скорости печати на компьютере до цвета ручки, которой она заполняла протоколы.

— Уставом предписан синий цвет, лейтенант, — говорил он, возвращая ей документ, — а у вас фиолетовый. Переписать.

И она переписывала. Молча. Стиснув зубы. Не давая себе права на эмоции.

Коллеги смотрели на нее кто с сочувствием (Соколов), кто с плохо скрываемым злорадством (пара оперативников постарше, которые считали, что женщинам не место в ОБОПе), кто с равнодушным любопытством (Котов, который, кажется, вообще не понимал, что происходит).

Но были и те, кто поддерживал.

— Держись, лейтенант, — сказал ей как-то Иваныч, старый майор-баллистик, когда они случайно столкнулись в курилке (Оля не курила, но иногда выходила туда подышать свежим воздухом — в курилке было единственное открывающееся окно). — Орлов не злой. Он проверяет тебя на прочность. Как только поймет, что ты не сломаешься, — отстанет.

— И когда это произойдет? — спросила Оля.

Иваныч пожал плечами.

— Кто знает. Некоторых он проверяет месяц. Некоторых — год. Одного парня, Костика, он довел до увольнения за три недели. Так что ты еще неплохо держишься.

— Спасибо за поддержку, — хмыкнула Оля.

— Не за что. Слушай, я сорок лет в органах. Всякое видел. И я тебе так скажу: если ты выдержишь Орлова — ты выдержишь всё, что эта работа может на тебя вывалить.

Она запомнила эти слова. И они помогали ей держаться.

На пятый день службы Соколов подсел к ней с кипой документов.

— Слушай сюда, Кузнецова. Орлов велел ввести тебя в курс дела «Трафик». Это наша основная разработка сейчас.

— Что за дело?

— Торговля оружием, — Соколов разложил на ее столе фотографии. — Есть такой персонаж — Руслан Алиев, кличка «Барон». Держит сеть автосалонов, ресторанов и прочего бизнеса. Но это только прикрытие. Реальный его бизнес — стволы. Он возит их с юга, из зоны боевых действий. Автоматы, пистолеты, гранатометы — всё, что можно купить за деньги.

— И мы не можем его взять?

— Пока не можем, — Соколов вздохнул. — У него всё схвачено. Свои люди в администрации, свои люди в полиции. Мы уже дважды пытались провести задержание — оба раза он ушел. Кто-то сливает ему информацию.

Оля посмотрела на фотографии. Холеный мужчина с восточными чертами лица, дорогой костюм, улыбка в тридцать два зуба. На одном снимке он выходил из черного «Мерседеса» с телохранителями, на другом — сидел в VIP-ложе какого-то клуба с бокалом шампанского.

— Красиво живет, — заметила она.

— Красиво, — согласился Соколов. — Но наша задача — сделать так, чтобы его следующая машина была с решетками на окнах.

— И как мы это сделаем?

— У нас есть информатор в его окружении. Не спрашивай кто — это секретная информация, даже Орлов не всех посвящает. Информатор сообщил, что через две недели ожидается крупная поставка. Партия стволов на несколько миллионов долларов. Мы должны взять их с поличным.

— Через две недели? — Оля прикинула в уме. — Это же очень мало времени.

— Поэтому ты здесь, — Соколов усмехнулся. — Орлов хочет, чтобы ты перелопатила все старые сводки по этому делу и нашла закономерности. Где, когда, как Барон проводил свои сделки раньше. Может, найдешь что-то, что мы упустили.

— Поняла. Я сделаю.

— Да, и еще кое-что, — Соколов понизил голос. — Будь осторожна с тем, что найдешь. Если кто-то в отделе сливает информацию Барону... сама понимаешь.

Оля кивнула. Она понимала. Она только что вступила в игру с гораздо более высокими ставками, чем казалось на первый взгляд.

В пятницу вечером Оля засиделась допоздна. Большинство коллег уже разошлись, в отделе горел только дежурный свет да лампа над ее столом. Она изучала сводки по делу «Трафик», расчерчивая схемы и выписывая закономерности. Кофе давно остыл, спина затекла, но она не могла остановиться. Ей казалось, что она нащупала что-то важное.

— Вы еще здесь?

Она вздрогнула от неожиданности. Орлов стоял в дверях своего кабинета. Он был без кителя, в одной рубашке с закатанными до локтей рукавами. Его волосы были взъерошены, как будто он только что провел по ним рукой.

— Так точно, товарищ майор. Изучаю дело «Трафик».

— В одиннадцать вечера? В пятницу? — он подошел ближе. — У вас что, нет личной жизни?

— Нет, — честно ответила Оля. — Вся моя личная жизнь сейчас — это сводки и протоколы.

Он хмыкнул. Взял стул, поставил его напротив ее стола и сел — впервые за всю неделю на расстоянии, не предполагающем субординацию.

— Что нашли?

— Пока не уверена, — она развернула к нему свои схемы. — Но есть закономерность. Все сделки Барона проходят либо в ночных клубах, либо на парковках возле клубов. И всегда — с четверга по воскресенье.

— Это известно, — кивнул Орлов. — Он использует ночные заведения как прикрытия. Много людей, много машин — легко затеряться.

— Да, но есть еще кое-что, — Оля указала на список дат. — За последние два года у него было одиннадцать крупных сделок. И восемь из них прошли в одном и том же месте — в клубе «Мираж» на юго-западе.

Орлов прищурился, разглядывая ее выкладки.

— Любопытно. Мы знали, что он часто бывает в «Мираже», но не думали, что настолько часто.

— Я думаю, у него там есть кто-то из администрации. Кто-то, кто предупреждает его о возможных облавах и предоставляет безопасное помещение для встреч.

— Возможно, — Орлов задумчиво постучал пальцами по столу. — Но это трудно доказать. «Мираж» — очень закрытое заведение. Там своя охрана, свои порядки. Наши люди не могут туда просто зайти.

— А если под прикрытием? — спросила Оля.

— Уже пробовали. Дважды. Оба раза наших раскрывали в течение часа. У Барона там свои люди, я же говорю.

Они замолчали. Оля чувствовала, что Орлов что-то обдумывает, но не решается сказать.

— Есть еще кое-что, — начал он наконец. — Мы получили информацию от нашего информатора. В этот четверг Барон встречается с новым поставщиком в «Мираже». Это очень крупная сделка. Если мы возьмем его с поличным — всё, конец.

— Но как? Если наших раскрывают...

— Поэтому, — Орлов посмотрел на нее, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на сомнение, — нам нужен кто-то, кого еще не знают в этом клубе. Кто-то новый.

Оля замерла. Неужели он имеет в виду...

— Вы, Кузнецова, — сказал он. — Вы пойдете туда под прикрытием.

Суббота и воскресенье пролетели как один миг. Олю вызвали в отдел, несмотря на выходной, и началась интенсивная подготовка.

С ней работал Соколов — учил основам оперативной работы под прикрытием. Как вести себя в клубе, как не вызывать подозрений, как запоминать лица и детали. Как подавать сигнал тревоги, если что-то пойдет не так.

— У тебя будет микрофон, — объяснял он, показывая крошечное устройство, похожее на пуговицу. — Вшиваем в одежду. В сумочке — сканер, который записывает разговоры в радиусе десяти метров. Группа прикрытия будет снаружи, в фургоне. Если услышим кодовое слово «проблема» — врываемся.

— Какое кодовое слово? — спросила Оля.

— «Проблема». Обычное слово, которое можно сказать в любом контексте, не вызывая подозрений.

— Поняла.

— Еще детали. Ты пойдешь не одна. С тобой будет напарник — твой «парень», так сказать. Одинокая девушка в таком клубе будет выглядеть подозрительно.

— Кто напарник? — спросила Оля, хотя сердце уже подсказывало ответ.

— Орлов, — коротко ответил Соколов. — Он пойдет сам. Говорит, что не доверит эту операцию никому другому.

В понедельник утром Оля сидела в кабинете у Марины — девушки из отдела кадров, которая по совместительству была местным специалистом по конспиративному гриму.

— Размер сорок второй, — бормотала Марина, перебирая вешалки с одеждой, — грудь третья, талия... ого, осиная. Слушай, с такой фигурой тебе нужно не в полиции работать, а на подиуме.

— Я в полиции работаю по убеждению, — сухо ответила Оля.

— Ну-ну. Ладно, примерь вот это.

Марина протянула ей платье. Оля развернула его и ахнула.

— Ты серьезно?

Это было алое платье в пол, с глубоким декольте и разрезом до бедра. Ткань — тонкий шелк, переливающийся в свете ламп. Спереди платье выглядело достаточно скромно, но спина была открыта практически полностью.

— Это что, шутка? — Оля держала платье двумя пальцами, как ядовитую змею.

— Это легенда, дорогая, — наставительно произнесла Марина. — Ты — девушка богатого бизнесмена, который привел тебя в модный клуб. Ты должна выглядеть соответственно. Никто не поверит, что спутница такого мужчины, как... — она заглянула в бумаги, — как твой напарник, будет одета в костюм из масс-маркета.

— Я похожу на проститутку, — мрачно сказала Оля.

— Ты похожа на шикарную женщину, — возразила Марина. — Это разные вещи. Примерь.

Вздыхнув, Оля скрылась за ширмой.

Когда она вышла, Марина присвистнула.

— Ну вот. Я же говорила. Шикарная женщина.

Оля повернулась к зеркалу и замерла. Из зеркала на нее смотрела незнакомка. Алое платье облегло фигуру как вторая кожа, подчеркивая изгибы, о существовании которых она сама не подозревала. Открытая спина делала ее уязвимой, но в то же время — невероятно женственной. Волосы Марина распустила, и теперь они тяжелой волной спадали на плечи.

— Туфли, — Марина протянула ей шпильки. — И макияж. Садись, я сделаю.

Через полчаса Оля смотрела на свое отражение и не узнавала себя. Вечерний макияж делал ее старше, загадочнее. Глаза, подведенные *smokey eyes*, казались огромными и темными. Губы — алыми, в тон платью.

— Теперь ты не лейтенант Кузнецова, — сказала Марина. — Теперь ты Алиса. Студентка журфака МГУ. Встречаешься с богатым бизнесменом, любишь дорогую выпивку и ни в чем себе не отказываешь.

— Я не умею быть такой.

— Научись. Просто представь, что ты на сцене. Играешь роль. И помни: ты можешь всё, что захочешь. Ты — Алиса.

Они встретились в гараже Управления в четверг вечером.

Орлов ждал ее у черного «Мерседеса» — изъятых у какого-то фигуранта и переоборудованного для оперативных нужд. Когда Оля вышла из лифта, он сначала не узнал ее. А когда узнал — она заметила, как на мгновение изменилось его лицо. Брови чуть приподнялись, челюсть напряглась. Он скользнул по ней взглядом — быстрым, профессиональным — но в этом взгляде было что-то еще.

Что-то, от чего у Оли перехватило дыхание.

— Впечатляет, — коротко сказал он. — Марина постаралась.

— Спасибо.

Сам он тоже выглядел иначе. Дорогой костюм стального цвета, белая рубашка с расстегнутыми верхними пуговицами, тонкая серебряная цепочка на шее. Никаких следов уставного служебного. Перед ней стоял опасный, уверенный в себе мужчина из того мира, в который им предстояло погрузиться.

— План таков, — начал он, открывая перед ней дверцу машины. — Мы входим, занимаем столик у бара, делаем вид, что мы — влюбленная пара. Ты пьешь безалкогольный мохито, я — виски. Никакого спиртного — нам нужны ясные головы. Наша цель — зафиксировать встречу Барона с поставщиком. Записать разговор. Если удастся — снять на скрытую камеру передачу образца товара.

— А если нас раскроют?

— Не раскроют, — Орлов сел за руль. — Я играю эту роль уже не в первый раз. Просто повторяй за мной. Будь естественной. И что бы ни случилось — не выходи из образа.

Машина выехала из гаража в теплую московскую ночь. Оля смотрела в окно на пролетающие мимо огни и пыталась унять дрожь в коленях. Не от страха. От предвкушения. И от странного, томительного чувства, которое возникало всякий раз, когда она смотрела на сидящего рядом мужчину.

Это была опасная игра. И она только начиналась.

Глава 3. Первое дело

Клуб «Мираж» оказался именно таким, каким Оля его представляла, — и одновременно совершенно иным. Расположенный в бывшем заводском цехе на окраине Москвы, он поражал воображение своими масштабами. Три этажа, соединенных стеклянными лестницами. Огромный танцпол с лазерным шоу. VIP-зона на третьем этаже, куда пускали только избранных. Бары на каждом углу, кальянные, приватные комнаты для «особых гостей». Всё это тонуло в полумраке, пронизанном вспышками стробоскопов и тяжелыми басами электронной музыки.

— Дыши ровно, — шепнул Орлов, кладя ладонь на ее талию. — Ты со мной. Ты в безопасности.

Она кивнула, хотя внутри всё сжималось от напряжения. Они прошли фейс-контроль без проблем — охрана знала «Макса» (легенда Орлова была разработана давно и тщательно поддерживалась). Им выделили столик в зоне, откуда хорошо просматривался весь зал.

— Барон уже здесь, — тихо сказал Орлов, не разжимая губ. — Третий столик слева от сцены. Рядом с ним двое охранников. Не смотри туда прямо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.